

КРИМИНАЛЬНЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

Майя Земцова

МОЙ КРЕСТ

ЛЮБИТЬ ТОГО, КТО УБИВАЕТ

Майя Земцова

**Мой Крест. Любить
того, кто убивает.**

«Литнет»

2025

Земцова М.

Мой Крест. Любить того, кто убивает. / М. Земцова — «Литнет»,
2025

Я просто зашла в офис распечатать отчёт в субботу вечером. И случайно стала свидетельницей убийства. Теперь меня преследует чертовски красивый киллер с серыми глазами. Он не должен был оставлять меня в живых, но я всё ещё жива. И я не знаю, чего ждать: когда он хладнокровно доведёт заказ до конца... или когда эта смертельная угроза обернётся обжигающей тягой, которой мы оба не сможем сопротивляться. Тёмная романтика: опасно, но без трэша Непростой и опасный герой ✂ # Героиня, которая так просто не сдастся Сцены, после которых нужен холодный душ ДОБАВЛЯЙТЕ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОСТАВИТЬ «МНЕ ПРАВИТСЯ»

© Земцова М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1. Прощай, Лера	7
Глава 2. Крест	9
Глава 3. Завтрак	11
Глава 4. Душ	13
Глава 5. Сюрприз для Креста	15
Глава 6. Подготовка сцены	18
Глава 7. Лера устанавливает контакт	20
Глава 8. Вторник	22
Глава 9. Побег	24
Глава 10. Полиция	26
Глава 11. И вновь погоня	29
Глава 12. План спасения	31
Глава 13. Игра окончена	33
Глава 14. Надлом.	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ПРОЛОГ

Я всегда знала, что я неудачница. Ходячая катастрофа.
Просто представить себе не могла, что всё настолько плохо.
До того самого момента, пока не открыла дверь этого проклятого кабинета и не увидела его.

Высокого мужчину. Пугающе огромного. С лицом, вытесанным из куска гранита.
Только от одного его вида можно умереть от страха. Он словно вытягивает из пространства весь кислород, оставляя вязкую, парализующую пустоту, от которой мгновенно закладывает уши.

Широкоплечий. Затянутый во всё тёмное. Он нависает над массивным кожаным креслом.
Но страшнее всего — пустой шприц в его руке. Который он на моих глазах аккуратно извлекает из шеи мужчины, лежащего в кресле с безвольно запрокинутой головой.

На полу лежит пузырьёк с рассыпавшимися таблетками. Рубашка растёгнута, будто человек ослабил ворот, когда ему стало плохо. Всё продумано до леденящих душу мелочей.

Боже... Неужели он мёртв?!

Внутри всё обрывается.

Можно просто прикрыть дверь. Медленно, бесшумно, потянув ручку на себя. Сделать вид, что ничего не видела. Тихо унести свою задницу подальше от этого кошмара.

Но нет же.

Я застываю, как идиотка, и пялюсь на него, не в силах даже моргнуть.

Он как раз снимает перчатки. Спокойно, методично. Латекс шелестит, соскальзывая с пальцев.

А потом он поднимает голову. И смотрит на меня.

Прямо в глаза.

И вот тогда меня накрывает. Это даже не страх. А вязкий, парализующий ужас, от которого желудок скручивает болезненным спазмом.

Глаза у него как ножи. Острые. Безжалостные. На лице ни капли эмоций. Только пустая, ровная, смертоносная сталь.

Я разворачиваюсь и бегу.

В голове бьётся паника, а ноги совершенно не держат. Колени то и дело подгибаются от слабости. В голове стучит: беги, Лера. *Беги, если не хочешь сдохнуть.*

Вот дернул же черт приехать в офис после закрытия. Чего мне дома не сиделось?

Если бы не эта крыса Виктория Андреевна со своим «срочным отчётом», никогда бы меня не занесло в ту часть здания.

Мне там вообще делать нечего. Там сидят топы, к которым нам, простой офисной челяди, соваться нельзя. У них там своя жизнь, свои закрытые кабинеты и вип-дела. За которые шприцами в шею колят.

Но тут суббота, в здании никого, и как назло, принтер на моём этаже зажевал бумагу, а резервный завис. Вот сдуру и решила прошмыгнуть на шестой по универсальному ключу, который взяла из халата Гали в подсобке. Думала, быстренько распечатать грёбанный отчёт и уйти. Распечатала, блин.

А теперь бегу по этому шестому этажу и чувствую, как спина стынет от ужаса.

Тяжёлые шаги в пустом коридоре звучат как удары часов.

Тик-так. Тик-так. Размеренные. Неотвратимые, как приближение самой смерти. Он даже не бежит за мной, он просто идёт следом, но этот звук безжалостно бьёт по нервным окончаниям.

Понимаю, что не успею добежать до центрального холла, где внизу сидит охранник. Да и лифта он мне вряд ли даст дожждаться.

Вспоминаю про нашу «потайную» дверь в подсобку, за которой скрывается старая пожарная лестница. Через неё можно выскочить на улицу.

Резко сворачиваю налево и едва не поскользываюсь на гладком керамограните. Чудом удерживаю равновесие, хотя щиколотку простреливает острой болью.

В здании никого. Помощи ждать не от кого. Совершенно.

Рванув на себя ручку не приметной двери, вваливаюсь в тёмный пролёт, срываюсь вниз по лестнице. Мои шаги гулко, истерично бьются о бетонные ступеньки. Ноги скачут, почти не касаясь их.

Только бы не оступиться. Только бы не полететь кубарем, ломая кости. Только бы дожить.

Каждый вдох колет болью в груди, отдавая металлическим, кровавым привкусом на языке, но я не смею останавливаться. Спустившись на два пролёта, я уже не слышу его шагов, но это молчание пугает ещё больше.

Долетев, наконец, до первого этажа, бросаюсь вперёд по узкому коридору. Спасительная улица уже рядом. Я почти чувствую свежий ночной воздух.

Распахиваю тяжёлую металлическую дверь всем весом своего тела, я с надеждой шагаю вперёд и... со всего размаха врезаюсь в стальную, непробиваемую грудь.

От удара у меня клацают зубы, а сумку выбивает из рук. Отшатнувшись, я вскидываю голову, и сердце в груди просто перестаёт биться, рухнув куда-то в район желудка, потому что реальность оказывается страшнее любого кошмара.

Серые ледяные глаза. Холод.

Он стоит прямо передо мной, загораживая выход, и я понятия не имею, как он здесь оказался, но это уже не имеет никакого значения.

— Зря ты открыла ту дверь, — говорит он спокойно, и голос его вонзается в позвоночник, как ледяной крюк.

Его рука ложится мне на плечо стальной хваткой.

И я понимаю: мне конец.

Глава 1. Прощай, Лера

Ну вот и всё. Прощай, Лера, офис-менеджер двадцати пяти лет.

Не самый удачный карьерный путь, отсутствие парня, отсутствие секса последние... да кто теперь считает.

Похоже, до следующей жизни ничего не исправить.

Вырваться из его рук нереально. Я честно пробую, пару раз дёргаюсь изо всех сил, но он лишь сильнее сжимает пальцы.

У нормальных людей это называется прикосновение. У него это похоже на железные тиски.

Паника накрывает меня за секунду. Сердце прыгает в горле, в висках стучит, будто внутри завели сирену.

Он толкает меня к машине. На минуточку, чёрный Рендж Ровер Спорт. Моя любимая модель. Та самая, которой у меня никогда не будет.

Ну, теперь уже точно, судя по всему.

Он открывает переднюю дверь и кидает меня на сиденье. Жёстко, без слов. Я падаю, ударяюсь плечом, коротко вскрикиваю, но быстро замолкаю.

Он обходит машину, садится за руль, и мы срываемся с места.

Я зачем-то пристёгиваюсь.

Минут десять мы едем в молчании. Он не смотрит на меня. Ничего не говорит.

Сижу как можно тише, как будто от этого зависит моя жизнь. Тело мелко дрожит, я вся в холодном поту.

Косым взглядом ловлю его профиль. Суровый вид. Подбородок жёсткий. Если бы он не был киллером, я бы даже нашла его привлекательным. Но такие, правда, на меня никогда не обращают внимания.

Жаль, что этот обратил, только совсем не в том смысле.

Не понимаю, что со мной происходит. Почему я вечно думаю о какой-то чепухе?

Осторожно смотрю на него, пытаюсь поймать взгляд. Он прямо и сосредоточенно смотрит на дорогу. Стараюсь не разрыдаться, хотя слёзы то и дело подступают к глазам от отчаяния.

— Вы везёте меня убивать? — слышу, как дрожит мой голос.

Он не реагирует.

Меня начинает трясти сильнее, и одновременно чувствую, как подкатывает нервный смех. У меня так всегда: в стрессовой ситуации начинаю или болтать, или смеяться.

Но тут ни того, ни другого делать я не рискую. Я дышать-то еле осмеливаюсь.

Взгляд цепляется за его руки, лежащие на руле. Большие, сильные пальцы. Ему даже не придётся сильно давить, чтобы перекрыть мне дыхание.

Он сворачивает к какому-то дому, резко тормозит. Потом открывает мою дверь и вытаскивает меня наружу. В его движениях нет злости, только спокойная, уверенная сила. Которой лучше не мешать.

Он ведёт меня к подъезду. Его пальцы врезаются в моё запястье. Завтра там точно будут синяки.

Мы заходим в дом и поднимаемся на лифте на пятый этаж. Его ладонь на моём плече. Держит жёстко, цепко. Сам он всё так же не смотрит на меня.

Открываю рот, чтобы закричать, и тут он поворачивает ко мне голову. В глазах стальное предупреждение. Без слов говорит: *не надо*. У меня холодеют пятки. Издай я хоть писк, и его хват тут же переместится мне на горло. Я знаю это так же точно, как знаю своё имя.

От него исходит настоящая волна ледяной опасности. Меня словно парализует от первобытного ужаса. Наверное, именно так себя чувствует кролик в кольце питона. Бледнею и медленно сглатываю.

Заходим в квартиру. Она огромная и пугающе пустая: серые стены, минимум мебели. Ни ковра, ни фотографий, ни одной живой детали.

Как будто тут не живут, а прячут тела. Или тайны. Или оружие.

Он тащит меня по коридору, распахивает дверь и швыряет внутрь. Я лечу на кровать — широкую, тёмную, с идеально натянутым покрывалом. Минуту спустя следом влетает бутылка воды и плед.

Дверь хлопает и наступает тишина.

Я сижу, как пришибленная. Руки дрожат, зубы отбивают чечётку.

Блин, ну как же я так влипла? Верните меня на пару часов назад, и я бы вежливо послала Викторию Андреевну и напомнила, что моё рабочее время начинается с понедельника, с девяти утра.

И сейчас бы лежала на диване с мороженым и тупила в Netflix, а не пыталась угадать, почему меня ещё не убили.

Воду он зачем бросил? Это что, гуманизм? Или он не из тех, кто убивает жаждущих? *«Пей, мышка. Сухое горло орёт громче».*

Но, после бешеной погони, я и правда умираю от жажды. Открываю бутылку и выпиваю почти половину.

Может, он и правда пока не будет меня убивать? Нелогично же давать воду живому трупу.

Эта мысль внезапно приободряет. Авось, проживу ещё несколько часов.

Плед тёплый. Кровать мягкая.

Кутаюсь в плед, стараюсь не думать, не шевелиться, не шуметь.

Меня всё ещё трясёт, но где-то в этом страхе начинает пробиваться странная слабость. Словно кто-то тянет изнутри за тонкие нитки, и узлы напряжения развязываются один за другим. Вот уж не думала, что смогу заснуть в этом аду.

Голова тяжелеет. Глаза слипаются. И убийца пока что не вернулся. Что, если он сейчас стоит за дверью? Смотрит на меня через щёлку.

Фантазия разыгрывается. Мысленно рисую скрытые датчики, микрофоны под потолком и тревожную кнопку, ведущую прямым ходом в логово киллеров.

Но сон всё равно сильнее. Похоже, организм решает, что ему уже всё равно, где спать, хоть под прицелом, хоть в камере пыток.

Я натягиваю плед выше, до подбородка. Всё ещё лежу и прислушиваюсь, не идёт ли он ко мне.

И только потом позволяю себе провалиться в темноту.

Если завтра меня не станет, по крайней мере, я отосплюсь перед вечностью.

##Дорогие читатели, спасибо за интерес к моей книге!

Если история вас зацепила — поставьте звёздочку и добавьте в библиотеку.

***Это помогает книге подниматься в рейтинге и находить новых читателей.

Приглашаю вас в мой ТГ канал t.me/mayazemtsova***

Глава 2. Крест

Крест.

Крест.

Он сидел на кухне, опираясь локтями о стол, и ждал, пока подействует снотворное, добавленное в воду.

Это был просчёт. Недопустимый. Первый за всё время его службы.

Когда он получил заказ, ничего не предвещало проблем. Очередной «грязный» винтик, пошедший наперекор Системе.

Всё было подготовлено чётко, по обычной схеме. Внеурочная встреча в офисе. Сердечный приступ. Естественная смерть. Чисто, без шума, без следов.

Крест не был обычным киллером.

Он был ликвидатором своих. Зажавшихся. Переоценивших себя.

Внутренняя санитарная службы Системы. Убирал тех, кто начинал слишком много знать, слишком громко говорить, слишком нагло жить.

Система держалась на страхе. А страх держался на таких, как он.

У него не бывало ошибок. Не случалось просчётов.

Все знали: если ты попёр против правил и за тобой выехал ликвидатор, на тебе поставлен крест. Ничто тебя не спасёт. Ты умер ещё до того, как он вошёл в здание. Поэтому его так и звали. Так сложилось, что из всех ликвидаторов больше всего боялись именно его. Потому что у него не было эмоций. Не было жалости. Только чёткое следование протоколу.

Крест не мучился моральными вопросами, не испытывал сочувствия. Он был холоден. Отточен. Привык убивать. Но все цели, с которыми он работал, были одного сорта: лощёные, холёные, в кричащих брендах, на Кайенах и Лексусах.

Они пахли дорогим парфюмом и сигарами, носили часы, стоившие как чужая квартира, имели счёт в Дубае и жену, с которой не спали. Или мужа, которому изменяли.

Разный пол, разный возраст. Но одна суть. Они знали, на что шли. Все они. Каждый из них успел продать часть своей души ради денег. Обходили правила, набивали карманы. Не брезговали ничем. Они были органической частью Системы, которая в итоге сама и пожирала их.

Ежова он ликвидировал той же недогнувшей рукой. Все шло по плану. Пока он не услышал скрип двери. И не увидел на пороге девчонку в розовом худи и джинсах, на вид не больше двадцати.

Огромные зелёные глаза, а в них первобытный страх. Посмотрела на него и рванула. Как заяц, с которого сейчас сорвут шкуру.

Наверно, это был сбой в программе. Он не дрогнул. Просто удивился. На объекте не должно было быть никого. И когда она появилась в дверях, он целую секунду смотрел на неё.

На секунду дольше, чем должен был.

Именно из-за этой секунды ему пришлось мгновенно собраться, мысленно проложить маршрут её бегства и пойти наперерез.

Схему здания он изучил досконально, как всегда. Даже при самом простом заказе Крест проверял расположение всех аварийных выходов, подсобок, путей эвакуации. Тех, о которых порой не знали даже сами сотрудники.

Он знал, что пожарная лестница ведёт вниз, к запасному выходу.

Побежал бы за ней, потерял бы время. Вместо этого он завернул в коридор налево, туда, где был служебный грузовой лифт.

Спуститься по лестнице с шестого этажа, даже на адреналине, заняло бы у неё не меньше сорока секунд.

Лифт спустился за пятнадцать. Он открывался в узкий коридор на первом этаже, откуда шёл короткий проход до заднего выхода.

Кресту хватило времени спокойно выйти и встретить девчонку у двери.

Теперь осталось запустить экстренную процедуру зачистки свидетелей. Внутренний кодекс ликвидаторов гласил: наследил — убери. Чисто. Без пятен.

Жестоко? Да.

Но иначе порядок не удержать. Система не допускала рисков.

Он встал, прошёл в коридор, тихо открыл дверь.

Девчонка уже спала. Тяжело, неровно дышала, сжавшись на краю кровати, будто боялась развернуться. Светлые волосы растрепались, под глазами синяки. Хрупкая фигурка на огромной кровати. Его кровати, кстати.

Он видел многих. Людей на грани, людей в панике, людей в последние минуты.

Видел, как они спят, как замирают от страха, как уходят.

Но она выглядела совсем иначе. Как будто её случайно вырезали из другого фильма. Светлого, нормального.

Не цель. Не объект. Просто девочка в розовом худи, с руками, вцепившимися в плед, как в спасательный круг.

Но у него не было выбора. Он не для того стал тем, кем стал, чтобы допускать нарушения правил.

Если бы он начал делать исключения, он бы давно лежал рядом с теми, кого ликвидировал.

Пластиковая бутылка с водой валялась на полу, наполовину пустая. Минимум шесть часов крепкого сна.

Крест вышел, закрыл дверь, щёлкнул замок.

Для зачистки офиса хватит двух часов.

Подкорректировать логи, чтобы значилось, что она пришла и ушла. Забрать её личные вещи, отключить рабочее место. Сделать так, чтобы всё выглядело обычным рабочим визитом, не связанным с тем, что случилось позже.

Потом он отправит запрос в базу. Нужно пробить, кто она, есть ли связи. Возможна ли ликвидация без последствий.

Если окажется просто фоном, уберёт. Если проблемная, передаст наверх. Там решат.

Когда он вернётся, он завершит программу.

Глава 3. Завтрак

Лера

Просыпаюсь и не сразу понимаю, где я. Ещё и сон такой классный снился, будто я на море. Волны, солнце, брызги воды.

А секунду спустя меня накрывает. Покрываюсь холодным потом. Сердце ухает куда-то в пятки.

Я в квартире убийцы. Правда, всё ещё жива, но сколько это продлится?

Сажусь на кровати. В животе урчит громко и обиженно. Я тут же цыцкаю на него, как на предателя. Сомневаюсь, что этот мужчина будет меня кормить.

Слышу скрип двери. Перестаю дышать, медленно поворачиваю голову.

Он стоит в проёме. Смотрит молча. Потом коротко бросает:

— Пойдём.

Всё. Мне конец.

Руки начинают дрожать ещё сильнее. Я не могу заставить себя сдвинуться. Пытаюсь сдержаться, но слёзы сами катятся по лицу. Вцепляюсь в плед и не двигаюсь. Хочет убивать, пусть прям тут. Сама я никуда не пойду.

Он смотрит на меня холодно, глаза эти серые режут не хуже ножа. Снова обращаю внимание, какой он высокий. Наверное, я ему по плечо. Переломит пополам одной рукой и не поморщится.

— Не усложняй. Пойдём. Или мне самому тебя вытащить?

Мотаю головой. Если он до меня дотронется, я сама кони двину от страха.

Дрожу. Выбираюсь из-под пледа. С трудом зашнуровываю кеды. Плетусь за ним.

Он ведёт меня на кухню.

— Садись, — говорит спокойно, не оборачиваясь.

Я сажусь за стол. На самый краешек стула, будто от этого что-то зависит.

Что он собирается делать? Даст мне выпить отраву? Или тут просто удобнее делать укол?

Трясёт всё ещё так, что зубы стучат. Надо бы собраться. Быть сильной. Смело посмотреть в глаза смерти.

Только вот в эти стальные глаза глянешь, и уже хочется упасть замертво.

Убийца совсем не торопится со мной расправляться. Открывает холодильник, достает сыр, ветчину. Для чего, интересно? Вставит туда таблетки цианида и заставит съесть?

Молча берёт из шкафчика хлеб, кладёт на доску, режет. Вижу у него современную и очень дорогую кофемашину. Неосознанно сглатываю слюну, явственно ощущаю во рту вкус кофе. Он достает молоко, включает кофемашину. С удивлением смотрю, что у него в руках две чашки. Это что же, он собрался и меня поить кофе?

Ничего не понимаю, но помалкиваю. Рассматриваю его спину. Он, конечно, мощный. Мышцы перекачиваются под футболкой, руки натренированы, как у бойца. И он вовсе не раздутый качок, вроде нашего Толика с работы. Тут сила какая-то... другая. Глубинная. И почему-то я не сомневаюсь, что Толика он сложил бы с одного удара, несмотря на весь тот протеин, который тот глотает ведрами.

Убийца ставит на стол чашку кофе, молоко и сахар, а также тарелку с бутербродами.

— Ешь, — коротко кидает он, не глядя на меня.

Я зависаю. Это что, последний завтрак заключённой? Сижу, боюсь притронуться к чему-либо. Внутри всё сжалось.

Он берёт вторую чашку кофе, садится напротив.

Замечает, что я до еды не дотронулась, и поднимает на меня хмурый взгляд.

В ту же секунду хватаю бутерброд от греха подальше. Хлеб цельнозерновой. Сыр безвкусный, наверняка с нулевой калорийностью. Ветчина из индейки, несолёная. Но я упорно жую, косясь на него.

Интересно, сколько ему лет? На вид так с ходу и не скажешь. Наверно, чуть больше тридцати.

В институте у нас был небольшой курс по ОБЖ о том, как вести себя если тебя взяли в заложники. Вспоминаю одно из правил: дать почувствовать, что ты «живой человек», а не объект. Завести диалог.

— Меня зовут Лера, — говорю я тихо.

Иду ва-банк. Либо он сейчас прикончит меня за то, что рот открыла. Либо заговорит. А там, кто знает. Может, хоть немного времени выиграю.

Он смотрит на меня исподлобья. Молча. Лицо как камень. Ни одной эмоции.

Как же страшно. Господи.

— А вас как зовут? — продолжаю испытывать судьбу.

— Ешь, Лера, — отвечает он. И делает глоток кофе.

Я все-таки втянула его в диалог. Он назвал меня по имени. Значит ли это, что я больше не совсем «объект»?

Осторожно отпиваю кофе. Божественный вкус. Это тебе не бурда из офисного автомата.

Вспоминаю офис, и в памяти тут же всплывают события вчерашнего вечера. По спине бежит дрожь.

Кто это вообще был, там, в кресле? Точно кто-то из топ-менеджеров. Явно не простой клерк.

Чувствую, как он смотрит на меня. Из всех сил стараюсь не встретиться с ним взглядом.

Бутерброды заканчиваются быстрее, чем мне бы хотелось. И хоть назвать их вкусными можно было с очень большой натяжкой, я бы не отказалась ещё от парочки. Потому что, пока я ем, это как будто отсрочка. Перед тем, что он задумал дальше.

— Спасибо, было очень вкусно, — вежливо говорю ему, все так же стараясь не нарваться на стальной взгляд. — Давайте я посуду помою?

В ответ привычное молчание. Он сам собирает тарелки, ставит в раковину. Потом разворачивается ко мне.

Я замираю. Неужели сейчас?

Глава 4. Душ

Крест

Этот день должен был быть другим. Он знал его наизусть, до секунд, как партитуру.

Утром дезинфекция. Уничтожение одежды и обуви, смена номеров на машине. Отслеживание реакции на выполненный заказ через базу. Проверка: всё ли прошло гладко, как отреагировали в полиции.

Короткая пробежка. Обед.

В 15:00 отправка отчёта. Одно слово, код, три секунды связи. Потом тренировка. Ужин и спать.

Так должно было быть.

Пока не появился внеплановый объект. Вместо рутинного дня — экстренный сбор досье и подготовка ликвидации за короткий срок.

Валерия Александровна Панфилова. Офис-менеджер, двадцати пяти лет. Живёт одна, парня нет. Мать живёт в другом городе, созваниваются раз в неделю. Друзей мало. Хобби нет. Подкармливает бездомных животных и бомжей. Скучная, серая жизнь. Очень удобная для зачистки.

Крест рассматривал фотографии девчонки. На одной она с пакетом корма у мусорки, на другой идёт по улице с кофе, сосредоточенная, будто решает мировую задачу.

Она не должна была попасть под прицел. Таких, как она, не задевает система. Слишком неважные, слишком незаметные. Не те, кто владеет информацией или представляет опасность. Она не сделала ничего криминального, не успела никуда влезть. Просто оказалась рядом в тот момент, когда нельзя было.

Но раз попала, то выход один.

Утром уже нашли труп Ежова в офисе, значит, ближайшие два дня объект нельзя выводить из тени.

По легенде девчонка в субботу спокойно вернулась домой. Крест оставил надёжный цифровой след, даже отправил пару сообщений с её телефона. Положил на стол распечатанный отчёт. Всё выглядело, как и должно было.

Сегодня воскресенье, искать её никто не будет. Ночью он займётся подготовкой квартиры. В понедельник она «заболеет». Об этом от её имени поступит сообщение начальнице.

Его задача: изоляция объекта на два дня.

А после он проведёт ликвидацию. Несчастный случай.

Он уже отправил краткий отчёт на базу:

«Вторичный объект. Минимальный риск. Устранение в течение 72 часов. Легенда: бытовая смерть.»

Ответ: *«Принято.»*

Лера

— Пойдём, — говорит он.

Меня снова начинает трясти. Встаю и молча иду за ним. Никогда в жизни мне не было так страшно, как сейчас, в этом постоянном ожидании собственной смерти.

Он заводит меня в ту же комнату, выходит и запирает дверь.

Опять остаюсь одна. Что это, изощрённая пытка? Или он просто пока не решил, как меня убивать?

Это напряжённое ожидание просто невыносимо. Чтобы отвлечься, рассматриваю комнату.

Обращаю внимание на окно — там нет ни ручки, ни форточки. Открыть его невозможно. Подхожу ближе, вижу глухую бетонную стену за стеклом. Ни прохожих, ни соседей, ни намёка на помощь.

В комнате только кровать и совмещённый санузел. Захожу туда — ого, даже есть душевая кабина. Отталкиваю от себя дикую мысль принять душ.

В ванной стерильная пустота. Никаких мелочей, щипчиков, всей этой белиберды, которой набита моя собственная ванная. Тут же всё строго по делу: полотенце, мыло, шампунь. Всё. Ни шкафчиков, ни полочек.

Я возвращаюсь обратно в комнату. Падаю на кровать и закрываю глаза. Хочется спрятаться под одеяло с головой, как в детстве. Только оно не спасёт.

От него точно нет.

Проходит, наверное, полчаса. Или час. Тут же нет часов. Телефона тоже нет. Время теперь — это просто... ничто.

Пространство между «было» и «возможно убьют».

Я снова захожу в ванную. Просто так. Хожу кругами между двумя точками, как персонаж в квесте, где ничего не открывается.

Включаю воду в душе. Просто чтобы был хоть какой-то звук.

Вижу своё отражение в зеркале — и чуть не подпрыгиваю. Волосы взъерошены, лицо бледное, глаза огромные, как у лемура.

Мило. Просто восхитительно выглядишь, Лерочка.

Хочется смеяться и плакать одновременно. Не делаю ни того, ни другого. Просто замираю.

Смотрю на душ. Мысленно примеряю, где он прикручен.

Потом быстро отгоняю мысль. Нет, Лера. Ты не будешь ломать душ. Ты не Рэмбо.

Ты не в фильме. Ты в реальности, где дверь стальная, а ты — мелкая и тощая.

Да к чёрту. Я не знаю, сколько мне осталось, но пусть хоть пару часов я буду не вонять, как беглая крыса.

Раздеваюсь быстро, не думая. Встаю под воду. Хватаю мыло, тру кожу, как будто смываю страх. До белизны. До костей. Может, хотя бы скелет он пощадит.

Оборачиваюсь в полотенце, плотное, серое, почти шершавое. Не пахнет ничем. Как и вся квартира.

Возвращаюсь в комнату, сажусь на кровать. С волос капает вода, да и пофиг. Опять накаывают слёзы.

Самое обидно, я ведь ещё толком и не жила. Даже... не любила. Ни разу. По-настоящему.

И вот теперь я в каком-то бетонном гробу, под охраной психопата, и никто не знает, где я.

Вообще никто.

Глава 5. Сюрприз для Креста

Крест.

Правила ликвидаторов (внутренний протокол):
 1. Минимум шума. Ни внешнего, ни цифрового.
 2. Объект на изоляции не цель, а переменная. Работать по ситуации.
 3. Снижение риска в приоритете. Панику глушить, истерику предотвращать.
 4. Избегать ненужной жестокости. Страх работает лучше, чем боль.
 5. Кормить. Физиология влияет на поведение. Сытый объект — предсказуемый.
 6. Устранение производить в подходящее время, в подходящем месте. Ни раньше, ни позже.

Он прокручивал правила в голове, параллельно обдумывая, какую инсценировку выбрать.

Смерть должна выглядеть правдоподобно. Бытовой несчастный случай. Без криминального оттенка. Без расследования.

Девчонка не водит, не занимается спортом. Маршруты простые: дом, офис, ближайший магазин. Активность у неё минимальная.

Авария. Сбил пьяный водитель.

Несчастный случай — падение с высоты. Мыла окно на балконе.

Ограбление. Нападение в тёмном переулке. Сумка при ней. Телефон и кошелёк пропали. Очень хорошая схема, наверно, выберет её.

Окончательный вариант выберет после осмотра её квартиры.

До вечера ещё два приёма пищи и снотворное.

Он слышал шум воды. Принимает душ.

Логичное поведение в замкнутом пространстве: обратиться к простым бытовым действиям, чтобы снизить панику.

Надо приготовить ей обед.

Лера.

Я опять не заметила, как задремала. Прямо в полотенце, на голое тело. Присела на край кровати и всё, провалилась.

Полотенце сбилось, развязалось, как обычно и случается в кино. Только я не киноактриса. И не должна быть сейчас в кадре.

Но когда открываю глаза, понимаю, что кадр уже пошёл.

Он стоит в дверях.

Молча.

Просто смотрит.

Я резко дёргаю полотенце вверх, вжимаясь в спинку кровати, как будто она меня защищает.

Сердце в горле. Щёки, кажется, вспыхнули от ужаса. Руки трясутся, пальцы стискивают полотенце.

Он не двигается. Не отводит взгляда.

— Обед, — говорит он.

Спокойно. Словно я опоздала на совещание, а не случайно разделась перед убийцей.

Он разворачивается и уходит.

А я сижу, свернувшись, прижав полотенце к груди, и не дышу.

Только когда шаги стихли, я выдыхаю. И понимаю, что дрожу не только от страха. А ещё и от того, что он смотрел на меня так, словно вообще не смотрел.

Я не собиралась соблазнять убийцу. Даже в самой отчаянной фантазии не было такого пункта. Но мысль всё равно прокралась: если бы в его взгляде мелькнул хоть крошечный блеск

интереса — обычного, мужского, инстинктивного — это значило бы, что он живой. А живое может засомневаться. Передумать. Пожалеть.

А в этом взгляде не было ничего. Ни желания. Ни смущения. Ни раздражения. Словно я предмет интерьера. Воздух. Пустое место. И именно от этого становилось по-настоящему страшно.

Быстро натягиваю на себя одежду. Я даже умудрилась чуть застирать свою розовую толстовку от пятен — какой-то жест автоматического контроля, словно от этого что-то зависит.

Приглаживаю волосы: я же заснула с мокрой головой, теперь похожа на домовёнка Кузю. Даже стрижка похожа. А расчески в ванной нет, ни одной. Протираю пряди пальцами, замираю у двери.

Выхожу на кухню. На столе стоит тарелка с простой едой: порция запечёного мяса, горка овощей. Рядом стакан воды. Ничего лишнего. Просто, но достаточно, чтобы поддерживать силы узника.

Сажусь, молча начинаю есть, хотя кусок не лезет в горло. Ещё и вся еда без соли. Но что-то подсказывает: лучше его не злить.

Слова срываются неожиданно, раньше, чем я успеваю их остановить:

— Скажите... как вас зовут? Можно любое имя, не настоящее. Просто... как к вам обращаться?

Со страхом смотрю на него, ожидая чего угодно. Он смотрит на меня молча. Глаза серые, как металл. Никаких эмоций. Может он и не человек вообще?

— Крест, — внезапно отвечает он. — Но лучше не обращай ко мне. Не надо.

Холод по венам от этого имени. Точнее, прозвища. Очень подходит ему.

Я киваю, опускаю взгляд в тарелку. Продолжаю жевать картон. Именно так сейчас ощущается явно хорошая говядина.

И вдруг чувствую, как начинают капать слёзы. Прямо в тарелку. Без всхлипов, без слов. Просто текут. Я никак не могу их остановить. Боюсь поднять на него глаза. Давлюсь мясом, глотаю слёзы.

Он встаёт, подходит к шкафчику. Мгновение спустя на стол опускается коробка с салфетками. Без слов.

Он уходит с кухни.

Я сижу одна. Слишком прямая спина, как у школьницы на первом ряду. Пытаюсь проглотить кусок. Горло сжимается, будто туда засунули кулак. Поднимаю руку, вытираю щёку, удивляюсь, сколько слёз успело набраться. Салфетки. Он оставил мне салфетки.

Хватаю их, вытираю щеки досуха, тру почти стирая кожу. Хватить кукситься. Это не поможет. Надо быть хитрее. Надо обдумать план побега. Пусть лучше пристрелит меня при попытке сбежать, чем вот так покорно ждать своей участи.

И вдруг доходит: я одна на кухне.

Резко встаю. Подхожу к ящикам. Двигаюсь тихо, почти не дыша. Открываю один, другой... Есть. Столовый нож. Маленький, жалкий. Но всё равно это нож. Хватаю его и сую за пояс джинсов, прячу под толстовкой. Мгновенно сажусь обратно за стол, продолжаю есть.

Он возвращается. Я осмеливаюсь взглянуть ему в лицо.

— Пожалуйста... Крест. Вы... можно попросить расческу? — BLEЮ я, и в ту же секунду хочу врезать себе по лбу.

Что вообще? Зачем? Видимо, нервяк даёт сбой, маскируюсь, как идиотка. Так он, конечно, ничего не заподозрит.

По его лицу ничего не понять. Камень. Но он выходит. И возвращается с маленькой мужской расчёской. Такой, что волосы ей можно скорее выдрать, чем привести в порядок. Отлично. Зато теперь у меня есть чем скоротать вечер в ожидании своей возможной кончины.

— Спасибо, — шепчу. И за еду. И за расчёску. И за молчаливое разрешение остаться живой ещё десять минут.

Выпиваю воду, встаю, иду в комнату. За спиной поворачивается ключ.

Сажусь на кровать и выдыхаю.

Итак. У меня есть нож. Столовый. Тупой, как школьная драма. Им с трудом можно порезать хлеб. Но... он есть. А значит — это уже первый шаг к побегу.

Не забудьте подписаться на автора, чтобы отслеживать новинки и розыгрыши!

##

Глава 6. Подготовка сцены

Крест

Он никогда не ликвидировал вторичные объекты. Просто потому, что за девять лет службы ему ни разу не встречались свидетели. Никогда. Его система работала без сбоев, как швейцарские часы.

Всегда всё было продумано до мелочей. Безукоризненно. Ошибок не случалось. До вчерашнего вечера.

Если бы у него остались эмоции, возможно, ему было бы даже жаль девчонку. Мелкая, выглядит моложе своих двадцати пяти. Совершенно безобидная.

Когда он зашёл в комнату и увидел её на кровати — почти обнажённую, с полотенцем, едва прикрывающим только самое необходимое, — он испытал странное ощущение. Что-то щёлкнуло внутри, будто выдернули предохранитель.

Нет, ниже пояса ничего не шевельнулось. Он удовлетворял свои потребности только с проститутками, строго по необходимости. Без флирта, без контакта глаз, без намёков на привязанность. Даже снять кого-то в баре считалось для его профессии недопустимым. Слишком рискованно.

Тут было другое. Абсолютная, полная уязвимость. Беззащитность. Что-то в этом ощущении казалось знакомым, словно он уже однажды видел такое — не здесь, не с ней, а в той жизни, что давно стёрлась из памяти, оставив после себя только тусклые, нерасшифрованные фрагменты, будто обугленные плёнки, сохранившиеся после пожара.

Он знал, что это были за воспоминания. И не хотел, чтобы они пробуждались. Не мог себе позволить распахнуть ту дверцу, которую плотно запечатал девять лет назад. Залил бетоном. Запечатал сургучом. Был уверен, что всё герметично. Что за столько лет не осталось ни щели, ни трещины.

И всё же вид её хрупкого тела будто тронул что-то под этим бетоном. Словно он увидел то, чего не должен был видеть.

За ужином он снова налил ей воду со снотворным, дождался, пока уснёт, и поехал к ней на квартиру. Ключи взял из её сумки, так что даже не пришлось возиться с отмычками.

Подготовка сцены не менее важна, чем заключительный акт. Протокол он соблюдал безукоризненно. Никто никогда не увидит, что он был там.

Он прошёлся по комнате. Всё, как и ожидалось: девчачье, местами нарочито наивное. Розовое бельё, свечи в баночках, мягкие пледы, забавные магнитики на холодильнике.

На полке стояло на удивление много книг. Он подошел ближе. Почти все они были по философии и гуманитарным наукам.

Кьеркегор. Сартр. Камю. Книга о Витгенштейне. Издание с закладками и загнутыми страницами.

И все в таком духе. Ни одного любовного романа, ни одной книги по псевдопсихологии вроде «Дыши маткой и богатей» или «Пробуди женскую богиню в себе за три дня».

Девчонка из тех, кто прячется за мыслями. Неожиданно.

Крест тоже когда-то читал Камю. *«Абсурд — это то, что происходит, когда человек осознаёт бесполезность попыток найти смысл»*. Станным образом это всегда идеально сочеталось с приказами.

Он уже собирался повернуться, когда заметил кое-что, выбивающееся из ровных рядов: между двумя толстыми томами лежала старая плюшевая игрушка — маленький жираф с ободраным ухом. На боку белыми нитками вышито имя: *Гоша*.

Игрушка нарушала общую картину. Была не к месту, как и сама девчонка в этом деле.

Крест стоял и смотрел на этого уродца с минуту, сам не понимая зачем. Протянул руку, сжал — мягкий, пыльный, с нитками на боку. И тут же положил обратно.

Потом занялся подготовкой антуража: плед, салфетки, пульт от телевизора, недопитый чай с лимоном. Завтра она будет весь день «болеть дома». Никаких следов, всё должно выглядеть естественно.

Напишет пару сообщений на работу, подруге. Обычная простуда. А во вторник вечером «выйдет в аптеку». Где на неё нападёт грабитель с ножом. Случайная, нелепая смерть в подворотне. Никто не усомнится. Никто не найдёт связи.

Он заранее построил маршрут, проверил камеры, выбрал безлюдное место.

Осталось только довести до конца.

В коридоре висели фотографии. Он задержался у них перед выходом. На половине из них она с привычными, чуть растрепанными волосами. Такая же, как сейчас. С мамой. С подругами на отдыхе.

На одном снимке ей лет 10. Она держит в руках того самого жирафа, правда, куда менее оборванного. Смешная, чуть лопухая, со скобками на зубах. Реальность вдруг качнулась. Как будто кто-то добавил кадр, которого не должно быть.

Он отвернулся и вышел.

Глава 7. Лера устанавливает контакт

Лера.

Очередное утро в незнакомом доме. Ритуал повторяется с точностью до детали. Молчаливое приглашение на завтрак. Бутерброды, кофе.

Опять он меня запирает в комнате. Сегодня душ принимать не буду. Обдумываю, как использовать нож. Идей нет. Но из штанов его не вынимаю.

На обед он кормит меня куриной грудкой с брокколи. Все сделано на пару. Я так полезно последний раз ела... никогда. Хоть бы соусом полил. Но ем молча, без капризов. Нож колет бедро, придавая чуть больше уверенности. Хотя понимаю, что он его за секунду выхватит и пополам сожмёт. Меня.

Он сам со мной никогда не ест. Интересно, он в принципе питается? Он вообще на живого человека не похож. Не могу себе представить его в компании с друзьями, попивающим пиво из бутылки.

— Вы всегда так молча кормите людей, или я особенная? — спрашиваю, сама не зная зачем. Наверно, просто хочется увидеть в нём хоть проблеск человека.

Он поднимает голову на меня. Серые глаза. Абсолютно пустые. Если бы не это, то сам их цвет очень красивый. Графитовый серый.

Пауза длится слишком долго. Секунда, две, три. Достаточно, чтобы я пожалела, что вообще открыла рот.

Он не отвечает.

Просто берёт пустую тарелку, ставит в раковину. Кивает в сторону комнаты.

Допиваю воду и ухожу сама в свою камеру. Спустя пару минут щелкает замок.

Видимо, опять передышка.

Пытаюсь проанализировать его поведение. Он не убивает меня. Зачем-то кормит. Не мучает, не издевается. Но я понимаю: он просто чего-то выжидает. Это не акт милосердия, ни разу.

Господи, я до этого киллеров видела только в кино. И то — по настоянию подруги, та затащила на триллер. Сама такие фильмы не люблю. И уж точно не думала, что однажды встречу с одним из них. Лицом к лицу.

Пытаюсь вспомнить ещё хоть что-нибудь с ОБЖ. Активирую все свои скудные познания по психологии.

Ясно одно — нужно как-то разговорить его. Наладить контакт. Вот только как говорить, если от одного взгляда у меня язык прилипает к нёбу от ужаса.

На ужин рыба и овощи. Сегодня хотя бы запечённые, а не на пару. Но традиционно без единой крупинки соли. Может у него гастрит или язва от вредной работы? Поэтому и меня этим кормит. Или этот псих контролирует даже уровень натрия в чужих венах.

Его сидение напротив сильно нервирует. Сложно есть, когда ощущаешь, как он проживает тебя серыми лазерами. Хотя, возможно, он просто смотрит сквозь.

Надо спросить что-то неожиданное. Выбить из равновесия. Но в голове только мольбы о пощаде. А они точно не помогут.

Слёзы его не разжалобят. Как мужчину его тоже не заинтересовать, судя по его реакции на мою грудь. Точнее, по её отсутствию.

Попробовать рассмешить?

Да, Лерочка. Башка у тебя совсем не варит. Видимо эта пресная пища растворила последние остатки здравого смысла. Рассмешить наёмного убийцу. Смешно.

Аккуратно перевожу на него взгляд. Сейчас он в своих мыслях. Повезло.

— Крест, — робко протягиваю я. И тут же жалею, что привлекла его внимание.

Серые льдины сразу на меня. С трудом сглатываю. Руки холодеют. Ощущение, будто ныряю в ледяную воду.

— А у вас есть девушка?

Я совсем того? Я же хотела спросить про любимый фильм. Какого чёрта это вылезло.

В его лице ничего не меняется. Думаю, если бы я спросила: «Вы случайно не любите оперу?», реакция была бы точно такой же.

Опускаю глаза в тарелку. Скорее бы в комнату. Сейчас она кажется почти уютной.

Заканчиваю ужин. Беру тарелку, тянусь к раковине.

— Оставь, — холодно бросает он.

Ставлю обратно.

Маньяк-параноик. Пусть сам моет, на здоровье.

А я пока подумаю, как смыться отсюда. Хотя бы в мыслях.

Иду мимо стола, внезапно спотыкаюсь. Как всегда — на ровном месте. Лечу лицом в плитку.

Его реакция молниеносная. Ловит меня резко, жёстко. Пальцы впиваются в плечо, вторая рука на талии. В опасной близости от ножа за поясом. Я холодею. Если сейчас он дотронется до него, мне конец. Чтобы отвлечь внимание, вцепляюсь ему в плечи, будто ищу опору.

У него не мышцы, а булыжники. Твердые. Горячие. Я вспыхиваю от собственной наглости.

Взгляд впивается в меня. Так близко я его глаза еще не видела. Резкие, как скальпель. Безжалостные. И словно контрастом — красивый темный ободок на серой радужке. Замираю.

По телу проходит ударная волна — то ли от прикосновения, то ли от страха. В животе что-то сжимается и тут же отскакивает, как пружина. Кожу бросает в жар, а потом в холод. Сердце бьёт по рёбрам.

— Спасибо, — выдыхаю. Голос срывается. И тут же отступаю, как будто обожглась.

Он смотрит. Молча.

Слава богу, вроде не заметил нож. Или я бы уже лежала со сломанной шеей.

И да, с такой реакцией, как у него, у меня нет вообще никакого шанса воспользоваться ножом.

Глава 8. Вторник

Лера.

Моя жизнь начинает напоминать День сурка.

Завтрак проходит быстро, в полном молчании. Затем он запирает меня и уезжает на полдня. У меня нет часов, но почему-то уверена, что все приёмы пищи проходят в одно и то же время. С точностью до минуты.

К обеду он возвращается. Выглядит чуть задумчивее обычного. Я только рада — чем меньше внимания ко мне, тем лучше. Чем когда он рассматривает меня словно под микроскопом. Как неодушевлённый объект.

Молча жую очередную порцию «вкуснятины» на пару. Внезапно хочется плакать от жалости к себе. Голова начинает подкидывать бесполезные идеи как его растормошить. Заставить сжалиться. Разумом понимаю, что все они обречены на провал. Но внутри всё равно надеюсь. Наверное, потому что иначе ничего не остётся, как просто ждать конца.

Слова вылетают быстрее, чем успеваю захлопнуть рот.

— А как вас мама в детстве называла?

Колючие ледышки скользят по моему лицу. Чувствую их кожей. Внутри сжимается, как будто ударили током. Хочется исчезнуть прямо в эту тарелку.

Внезапно осознаю: он прекрасно понимает, что я делаю и зачем. Отчаянно ищу в его глазах хоть каплю сочувствия. Ничего. Пустота.

Съёживаюсь под его взглядом, как червяк, которого подняли палкой с земли.

Неловко отвожу глаза, запихиваю в рот брокколи, как будто она может меня спасти.

Заканчиваю обед, иду в комнату.

Растягиваюсь на кровати. Просто тупо смотрю в потолок. Пытаюсь отвлечься на какие-то мысли.

Помню, читала как-то воспоминания одной пленницы — она говорила, что ей удалось выжить и не сойти с ума, вспоминая, как они с мамой наряжали ёлку. Подробно, каждую игрушку, каждый шарик.

Мы с мамой ёлку вместе никогда не наряжали. Она всегда работала. Лучше вспомню поездку на море.

В Италию. На окончание института мы с девчонками купили горящий тур на три дня на Сицилию.

Боже, как же это было хорошо.

Закрываю глаза и вспоминаю тёплое море, представляю, как иду по песку. Стараюсь вспомнить пляж до малейшей детали. Помню, как удивилась, что там тоже носят кукурузу, как у нас в Анапе. А ещё большие сахарные пончики. Их называют «чамбелла».

Смуглые итальянцы ходили с корзинами по пляжу и кричали:

— Чамбелла, чамбелла!

Мы обожрались этих пончиков с девчонками.

Тогда казалось, что всё только начинается, что всё впереди. Столько планов, столько времени на их исполнение.

Теперь это будто из другой жизни. Из той, где не было серых стен, замкнутого пространства и безнадёжного ожидания конца.

Открывшаяся дверь резко выдёргивает меня из воспоминаний. Я вздрагиваю, смотрю на него.

— Пойдём, — говорит он.

Это странно. Это внеурочно. Для ужина ещё рано.

Во рту резко пересыхает, языку больно шевелиться. Живот сводит судорогой. Воздух внезапно становится тяжёлым, вязким. Сколько ни вдыхаю — лёгкие не наполняются.

— Не пойду, — бросаю дрожащим голосом.

Пусть убивает прям тут. Не буду облегчать ему работу.

На его лице впервые вижу проблеск человеческой эмоции. К сожалению, не жалости. Скорее досады. Или раздражения. Жертва мешает ему выполнить план по её устранению.

Ну да, я бы тоже взбесилась.

Он подходит ближе. Я дёргаюсь, забиваюсь в угол кровати. С трудом сдерживаю нелепый порыв накрыться с головой пледом. Но не умоляю о пощаде, даже в таком состоянии понимаю: это бесполезно.

Он стаскивает меня. Хватает за шею. Не сильно, но достаточно, чтобы дыхание сбилось.

Наклоняется к самому уху. Говорит тихо, спокойно. Холодно.

— Мы сейчас пойдём на улицу. Закричишь — отрежу язык. И проживёшь с этим ещё десять минут.

Он отпускает шею. Рука переходит на плечо. Резким толчком разворачивает и ведёт к выходу.

От ледяного ужаса не могу даже плакать. Как будто всё внутри замёрзло.

Выходим на улицу, он сажает меня в машину. По пути панически думаю, как сбежать. Незнание придавливает плитой. Не понимаю, что меня ждёт, мозг лихорадочно перебирает сценарии, один мрачнее другого.

Машина мчится по полупустым улицам. Светофоры проносятся, как вспышки. Ни слова. Ни взгляда. Только звук мотора и моё дыхание, которое пытаюсь сделать тише.

Вижу, что мы приехали в мой район. Нервно пульсирует вопрос: «Зачем?» Не домой же он решил меня подбросить.

С тоской смотрю на свой подъезд, который мы проезжаем мимо.

Сворачивает в какую-то подворотню. Плохое место. Я сюда даже днём не рискую соваться. Говорят, в доме напротив — наркоманский притон.

Внезапно холодею от чудовищной догадки.

Понимаю, зачем он меня сюда привёз. Не спрашиваю. Не двигаюсь. Пальцы вцепились в ремень безопасности, как будто он поможет защитить.

Он глушит мотор, надевает на голову капюшон и поворачивается ко мне.

Глава 9. Побег

Крест

Он привёз её на подготовленное для ликвидации место.

Пустая сумка без кошелька и телефона. Только аптечный пакет с купленными таблетками, без чека, чтобы не пробили по камерам. Совершенно глухой переулок, никаких соседей, никаких камер. Она просто возвращалась домой, решила срезать путь и наткнулась на наркомана.

Осталось завершить последние детали. Сейчас предстояло самое неприятное.

Нужно было изобразить нападение наркомана с ножом. Правый бок, под рёбра. Зацепить печень. Он не любил такие варианты. Слишком грязно. Слишком долго.

Он мог сделать это иначе. Почти без боли. Один точный удар в нужное место. Смерть наступила бы мгновенно, без мучений.

Но по сценарию так нельзя. Наркоман не знает анатомии. Он не выверяет траекторию и не рассчитывает глубину проникновения. Он суёт нож наобум и убегает. Всё должно было выглядеть неаккуратно. Чтобы ни у кого не возникло желания копаться глубже.

Нож уже лежал в кармане куртки. Простой, с коротким лезвием, уже раскрытый. Не военный, не тактический, такой мог быть у любого.

Он заранее рассчитал точку удара. Достаточно уязвимую, чтобы выключить тело. И достаточно неровную по траектории, чтобы не выглядело, как работа профессионала. Как будто удар пришёлся случайно, но сработал.

Единственное, что он мог сделать, чтобы уменьшить её страдания — нанести удар настолько быстро, чтобы страх не успел перерасти в панику.

Она почувствует лёгкий толчок. Может быть, не сразу поймёт, что произошло. Под кожей начнёт распространяться тепло, внутреннее кровоотечение пойдёт быстро. Через десять–пятнадцать секунд мозг начнёт терять контроль над телом. Через полминуты наступит резкое падение давления, спутанность сознания, шок. Еще через минуту или две всё закончится.

Он повернулся к ней и наткнулся на взгляд зеленых глаз, распахнутых до боли. В них не просто страх, а животный ужас.

Неожиданно она схватила его за ладони. Тепло её пальцев было неровным, дрожащим. Не хватанием, а как будто попыткой зацепиться за поверхность, когда падаешь.

— Пожалуйста, не надо, — шепот был еле слышным, скорее можно прочитать по губам.

Крест застыл. Опять посмотрел на нее на секунду дольше, чем следовало. Потому что он уже видел этот взгляд. В своих снах.

Лера.

Хватаю его за руки и вижу в серых глазах какую-то тень. Сердце ухает с надеждой, которая тут же тает. Он выхватывает руки, выходит из машины, надевая перчатки по пути к моей двери.

Всё. Сейчас.

Дверь заблокирована, изнутри не открыть, хотя всё равно пробую, чисто из инстинкта.

Он открывает. Хватает меня, выдёргивает наружу. Не толкает, не бьёт. Просто ведёт, как палач, у которого нет личных счётов.

Я не кричу. Даже не думаю о том, чтобы звать на помощь. Покорно иду с ним. Уходим в какой-то жуткий угол. Кругом кусты, помойка, обрывки пакетов, скомканные газеты. И никого рядом. Тишина такая, что слышно, как кровь проталкивается по венам, будто ей там тесно.

Он останавливается, поворачивается ко мне.

Смотрит в упор. Без слов. Я чувствую, как затылок и спину накрывает ледяным одеялом.

— Крест, — шепчу я, — я... всё понимаю. Меня нельзя оставлять в живых. Я не буду убегать. Просто... последняя просьба. Пожалуйста.

Он замирает. Взгляд становится не таким пустым. В глазах снова тень. Не пощады, не сомнения. Что-то другое, чему сложно дать название. Но это не равнодушие. И этого достаточно, чтобы я рискнула.

Я делаю шаг ближе. Осторожно, как будто извиняюсь. Тянусь рукой к его груди.

Кончиками пальцев дотрагиваюсь до его кожаной куртки.

— Пожалуйста... поцелуйте меня. Перед смертью.

Он не двигается. Не приближается. Не отталкивает.

Я говорю это, чтобы сбить его с толку. Выбить из равновесия. Как учили на ОБЖ — нужно сделать что-то ровно противоположное тому, что ожидают от тебя в этой ситуации.

Конечно, он не будет меня целовать. Но этой секундной заминки мне хватает.

Резко опускаю руку к поясу, выдергиваю спрятанный нож. Столовый. С тупым краем и зазубринами. Даже не острый. Но всё равно вонзаю. В шею, вслепую, не глубоко, но с силой.

Металл соскальзывает по коже, вспарывает верхний слой. Кровь сразу выступает, он рефлекторно отшатывается. Этого мне и нужно.

Я отталкиваюсь и бегу. Не оглядываясь.

Кровь пульсирует в ушах, ноги несут вперёд на инстинктах. Слава богу, это мой район. Лихорадочно вспоминаю, где можно спрятаться. До людной улицы не успею никак. Сзади слышу, как он бежит за мной.

Прыгаю направо, в канаву, пробираюсь наверх. Главное, скрыться из виду, хотя бы на мгновение. Тогда есть шанс.

Заворачиваю за угол. Ещё один не самый благополучный двор, заброшка, но тут хотя бы просто бездомные ошиваются. Я им даже иногда приношу еду.

Внезапно вспоминаю: прямо у старого двухэтажного здания стоит «десятка». Старая, серая, облупленная, но снаружи целая. Стоит давно, и никто не трогает. Но я знаю, что она открыта. Видела, как один бездомный туда забирался.

У меня есть фора секунд пять. Подбегаю к заброшке, распахиваю дверь, и тут же бегу к машине. Хватаюсь за ручку задней двери.

Открыта. Господи, спасибо.

Заскакиваю внутрь, хлопаю дверцу, стараясь не издать ни звука. Заползаю на пол между сиденьями, прижимаюсь к грязному коврику.

Сквозь мутное стекло вижу подъезд в нескольких метрах от машины. Дверь распахнута, и след моих шагов уходит именно туда: пыль, отпечатки обуви на плитке.

Шаги приближаются. Он догнал.

Крест появляется на углу, останавливается, оглядывается.

Пара секунд, и он идёт к подъезду. Задерживается, входит внутрь.

Я выжидаю ещё немного. Потом как можно тише открываю дверь, выползаю из машины. Осмотреть заброшенное здание займет максимум пять минут — но мне этого времени хватает, чтобы сигануть зайцем в сторону людного проспекта.

Когда наконец появляются огни улиц, с облегчением выдыхаю. Вижу подходящий автобус, запрыгиваю внутрь. Главное сейчас уехать подальше. Там уже буду думать.

Глава 10. Полиция

Крест

Итак, она сбежала.

Крест быстро осмотрел здание, вернулся на улицу и тут же просёк уловку с машиной, увидев открытую дверцу. Обхитрила его.

Эта девчонка стала первым человеком за долгие годы, кто вызвал у него эмоции. Ими оказались не сострадание, не жалость.

А злость и раздражение.

До сдачи отчёта у него оставались ещё сутки. Если он найдёт её за это время, то даже не придётся сообщать о просчёте.

Если нет, придётся подключать Систему, а этого хотелось бы избежать.

Его кристально чистая репутация, наработанная за девять лет, не могла полететь к чёрту из-за одной мелкой девчонки. Это бы серьёзно помешало достижению главной цели. Той самой, ради которой он все эти годы оставался в Системе.

Шею досадно саднило, напоминая о провале. Он сел за руль и поехал, по пути обдумывая план действий.

Её телефон у него, так что отслеживание включить невозможно. У неё нет ни денег, ни телефона, ни ключей от дома. Но на всякий случай он установит передатчик, если она всё-таки сунется в квартиру.

Сейчас вечер. Ночь она проведёт либо в людном месте вроде вокзала, либо пойдёт к кому-то из знакомых.

Но скорее всего направится прямо в полицию.

Не критично, но проблематично. Если попадёт на смену «своих», сложностей не будет. Отчитаются, куда нужно, и забудут.

Но если нарвётся на одного из «белых» — это может поставить под угрозу операцию с Ежовым.

Особенно если попадётся особо пронырливый «белый», один из тех, кто всё ещё читает протоколы, а не между строк.

К счастью, таких почти не осталось.

Он начал с привычного: проехал через район. Проверил ближайшие круглосуточные магазины, кофейни, подъезды с кодами, которые давно не работают.

Присмотрел несколько камер. Не городских, частных. Утром можно будет вытащить записи из остальных.

Сделал звонок, чтобы ему сразу доложили в случае обращения в участок, где сидят свои. По таким мелочам ему не требовалось разрешения куратора.

А затем вернулся к ней в квартиру.

Лера

Через полчаса я вышла на конечной автобуса. Совсем незнакомый мне район. Но тут я точно далеко от убийцы с холодными глазами.

Теперь надо искать полицейский участок. Не поднимут ли меня там на смех? Но, в любом случае, другого выхода нет.

Вижу впереди участковый пункт. Захожу внутрь. На входе за стеклом сидит толстый полицейский, вяло ковыряясь в зубах. Поднимает на меня глаза.

— Здравствуйте. На меня... напали, — говорю ему. — У меня нет ни денег, ни телефона, ни документов с собой. И меня преследует киллер.

На лице полицейского фейерверк эмоций: удивление, недоверие, досада, усмешка.

Он хмыкает.

— Киллер вас преследует? Вы уверены?

— Да, — отвечаю ему, стараясь не расплакаться. — Я стала свидетелем убийства. Позовите главного, кого-нибудь.

Он откидывается в кресле. По лицу вижу, что не верит ни одному моему слову. Но протокол есть протокол, слава богу. Обязаны проверить.

— Ну да, конечно, — лениво отвечает. — Щас вызовем патруль, отвезут в отделение. Там разберутся.

Он что-то записывает в блокнот. Даже не спрашивает толком.

Меня не просят детализировать, не уточняют — кто, где, когда. Просто ждут, когда мной займутся другие.

Я сажусь на стул. Жёсткий, пластиковый. Рядом кулер с водой и облупленный стенд с информацией «Права и обязанности граждан».

Читаю его, чтобы не думать. Чтобы не слышать, как живот сводит то ли от голода, то ли от страха.

Минут через двадцать заходят двое. В форме.

— Кого везём? — весело спрашивает один, и дежурный кивает в мою сторону.

Парень в форме улыбается мне:

— Поехали, девочка. Сейчас оформим.

Я иду за ними. Послушно. Потому что, кажется, наконец всё. Накатывает облегчение.

Где-то должны быть стены. И двери, которые можно закрыть.

До отделения едем недолго, минут пятнадцать. УАЗик останавливается у здания ОВД. Заходим внутрь, меня проводят на второй этаж. Заводят в кабинет.

— Сейчас подойдёт дежурный оперативник, ожидайте, — кивает весёлый парень, который меня привёз, и исчезает.

Я сижу на стуле и обдумываю, с чего начинать свой дикий рассказ.

Минут через десять дверь открывается. Входит хмурый мужчина в форме, на вид лет сорока.

— Здравствуйте, — бросает мне довольно сухо.

Ну конечно. Дело на ночь глядя, ещё и с такой историей, вряд ли это его обрадовало.

— Панфилова Валерия Александровна? — спрашивает.

— Да.

— Расскажите, что произошло.

— Я стала свидетелем убийства. В офисе, где я работаю. Бизнес-центр «Риверсайд», на улице Ленина.

Рассказываю про субботний вечер.

Он ничего не записывает. Смотрит сквозь. Демонстрирует поразительно нулевой интерес к моим словам.

— Можно мне позвонить? — спрашиваю. Очень хочется услышать чей-то родной голос.

— Пока не положено, — отрезает он.

Внезапно встаёт, направляется к выходу.

— Подождите здесь. Следователь скоро подойдёт. Заодно вам принесут телефон.

Я остаюсь одна. Сижу на неудобном стуле и мечтаю побыстрее оказаться дома. Интересно, ко мне приставят охрану? Или такое только в фильмах бывает.

А тут — выживай как хочешь, Лерок.

Я уже не знаю, сколько времени прошло. Часы в кабинете тикают громче, чем шаги в коридоре. Документы никто не оформляет. Следователь не возвращается.

Иногда мимо проходят дежурные. Я задаю вопросы. Мне кивают. Говорят: «сейчас», «подождите», «ожидаем старшего».

Но никто ничего не делает.

Хочется в туалет. Слишком много воды из кулера и слишком много нервов.

Встаю, выглядываю в коридор. Из двери напротив выходит мужчина в форме с бумагами.

Я перехватываю его взглядом.

— Простите, а туалет где?

— По коридору налево, дверь с табличкой.

Иду в указанном направлении, захожу, закрываю за собой. Становлюсь к раковине, опираюсь руками. Смотрю в зеркало.

Лицо как у призрака. Веки тёмные, губы сжаты в нитку. Скорее бы забыть всё это как страшный сон.

Перед выходом умываюсь холодной водой. Подхожу к окну. Там уже чернильная ночь. Хочется свежего воздуха.

Приоткрываю створку, вдыхаю полной грудью. У освещённого входа в ОВД никого. На стоянке — пара служебных машин и одна чёрная, без опознавательных знаков.

Дверь чёрной машины открывается. Из неё выходит высокий мужчина и направляется в здание.

И тут с леденящей ясностью понимаю — это он.

Крест.

Он приехал за мной.

Глава 11. И вновь погоня

Крест

Система отслеживания сработала идеально. Ему позвонили сразу, как посадили ее в машину. Дежурный опер в ОВД оказался из «своих».

План ликвидации придется чуть перестроить, больше он не будет рисковать. Шприц был уже наполнен сильным успокоительным, чтобы спокойно вывести её из здания, не привлекая ненужного внимания.

У входа его уже ждал «свой» оперативник.

— Всё готово, — тихо сказал он, перехватывая на секунду взгляд Креста. — Я не оформлял, как и просили. Просто придерживаем.

— Где она?

— Второй этаж, кабинет 201. Сидит тихо, ждёт следователя.

Они быстро поднялись по лестнице. У кабинета 201 оперативник потянулся к двери и толкнул её внутрь.

Пусто.

— Что за... — Опер нахмурился, шагнул внутрь, огляделся. — Она точно здесь была. Минут десять назад.

Он вышел в коридор, пересёк его в пару шагов и заглянул в соседний кабинет.

— Серёг, а девушка из двести первого? Куда делась?

Коллега, не отрываясь от монитора, кивнул куда-то в сторону:

— Говорила, что в туалет. Минут пять назад. Может, там закрылось что-то. Проверьте.

Крест не стал ждать. Он уже развернулся в сторону санитарного блока, быстрым шагом пересек коридор и толкнул дверь в санузел. Прошёлся по кабинкам, посмотрел за дверью. Никого.

Опер подошёл следом, замедлив шаг. В его лице мелькнуло что-то неловкое, почти детское, как будто его застали за плохой оценкой и теперь ждут объяснений.

— Через проходную она не выходила, — пробормотал он, понижая голос. — Я был внизу всё время. Значит, она всё ещё в здании. Сейчас пробьём по камерам.

Крест молчал. Его взгляд метнулся по коридору, задержался на стенах, на окнах. Здание было старое, двухэтажное. Решётки — только на первом этаже.

— Из каких кабинетов окна выходят на козырёк входа? — отрывисто бросил он, даже не оборачиваясь.

Крест уже всё просчитал. Она была в туалете, когда он подъехал. Увидела его через окно.

И у неё было не больше пяти минут, чтобы исчезнуть.

И если она сообразила быстро, что её оставался только один шанс сбежать незаметно. Вылезти через окно. И прыгнуть на козырёк.

Опер повёл его по коридору, указал на кабинет.

— Тут окно как раз выходит на вход. Я сам бы и не подумал...

Этой девчонке несказанно фартило. Был бы сейчас день, все кабинет были бы заняты сотрудниками. Но в десятом часу вечера второй этаж почти опустел.

Крест подошёл к окну. Оно было приоткрыто. Он распахнул его шире и выглянул наружу.

Козырёк тянулся сразу под подоконником — широкий, металлический, покрытый окурками и разным мусором. Ни следов, ни звуков. Только пустая улица и темнота. Но взгляд выхватил примятую клумбу внизу, в том самом месте, где она прыгнула.

Крест резко развернулся и зашагал к выходу, не бросив ни слова оперативнику.

Далеко она уйти не могла.

Лера.

Опять бегу. Нога чуть прихрамывает после двухметрового прыжка.

Я сама не понимаю, каким чудом сообразила про козырёк. Наверное, это уже не разум, просто сработал инстинкт выживания.

Увидев Креста, спокойно и уверенно входящего в здание полиции, я будто провалилась в черную дыру. Всё внутри оборвалось — так рвётся сердце у человека, который только что понял: спасения не будет.

Неужели всё и правда куплено? До самого дна? Это... страшно.

А ещё страшнее — я не знаю, что теперь делать. На полицию надежды нет.

Домой нельзя. Если он нашёл меня в ОВД, значит, всё плохо. Совсем. Он знает всё: мой адрес, мои данные, каждый чих.

Сердце будто колет изнутри.

Он ведь может пробить и маму.

Поедет к ней?

Боже... я уже даже не боюсь. Не осталось сил.

Это не страх, это загнанная паника зверя, на шею которого уже легла лапа. И пасть льва медленно смыкается.

Мне надо исчезнуть. Не спрятаться — раствориться. Хотя бы на сегодня, на сейчас.

В городе есть старая стройка, недострой возле завода. Ещё с тех времён, когда обещали поликлинику. Там даже крыша наполовину есть. Если доберусь туда, смогу пересидеть ночь. Утром решу, что дальше. Или не решу.

Шнурки развязались, сажусь на корточки, затягиваю. Пальцы дрожат, злюсь. На всё сразу.

Без денег совсем тяжело, но, слава богу, водители автобусов у нас всё ещё смотрят сквозь пальцы на тех, кто ездит зайцем. После двух пересадок подхожу к стройке.

Понимаю, что совсем не боюсь ни наркоманов, ни бомжей, ни подростковых компаний, которые могут теоретически там быть. Я боюсь только одного человека. С холодными серыми глазами.

Если он найдёт меня и здесь — я просто сдамся. Приму свою участь, потому что сил больше нет ни на что.

Нахожу кучу строительного мусора, сверху лежат обрывки брезента. Стягиваю его, укладываюсь рядом и замираю. Просто пересидеть ночь. Выиграть ещё несколько часов жизни. Я просто хочу дожить до утра.

Сама не замечаю, как меня срубаёт в сон, больше похожий на обморок.

Глава 12. План спасения

Лера

Опять мне снится Средиземное море.

— Чамбелла, чамбелла! — смуглый итальянец подмигивает, протягивает сахарный пончик.

Откусываю. О, какое наслаждение... Вкусно так, что не передать словами. Сахар хрустит на зубах, липнет к губам, будто это детство.

Улыбаюсь морю. Вода щекочет кончики пальцев. Я сижу прямо на берегу. Море похоже на живое существо. Оно гладит меня, словно хочет успокоить.

На душе спокойно и радостно, как тогда, когда мы были там. Бесконечное чувство защищённости. Как будто меня кто-то держит за руку.

Доедаю пончик, захожу в тёплую воду. Она долго остаётся мелкой — иду, а она всё ещё не выше пояса.

Наконец-то начинаю плыть. Нырять с головой, затаив дыхание. Тело становится невесомым, я растворяюсь в этой бирюзовой пустоте.

Выныриваю на поверхность и открываю глаза.

Где я? Почему вместо бирюзовой воды вижу доски, картон, мусор? Картинка рушится, как декорация. Реальность накатывает резко и безжалостно.

В животе пусто, в голове гудит, как после удара.

Я всё ещё ощущаю сахарный вкус на губах. Песок исчез. Вокруг только пыль и гниль. И одиночество.

С трудом сажусь на брезент, потягиваюсь, разминаю затекшее тело. Спина деревянная, почти не чувствую её. Но я всё равно каким-то чудом всё ещё жива и это счастье. Вот только что делать дальше?

Обдумываю план действий.

Надо раздобыть телефон и денег. Каким-то образом забрать паспорт из квартиры и бежать. Куда — не знаю, но ясно, что в городе оставаться нельзя.

Он наверняка караулит меня возле дома.

Нужно идти в какое-то максимально людное место. Там где можно закричать, привлечь внимание, если что. В голову приходит идея.

Через полчаса я вхожу в здание злополучного офиса. Прекрасно осознаю весь риск, но другого выхода нет. Влетаю на свой этаж, захожу в кабинет.

— О, ничего себе, — Виктория Андреевна смотрит на меня удивленным взглядом. — Ты же вроде заболела? Писала, что совсем плоха. И почему ты в таком виде на работу пришла, Панфилова?

Представляю, как я выгляжу после ночевки на стройке, но сейчас это последнее, что меня волнует. Ухо цепляется за её слова.

Я ей написала, что заболела? Чёрт. Значит, у него мой телефон.

Всё это начинает напоминать сюжет самого страшного триллера.

— Виктория Андреевна, у меня большие неприятности. Мне срочно нужны деньги, очень срочно. Я знаю, что зарплата только на следующей неделе, но ситуация экстренная. Можно мне в виде исключения получить расчёт сейчас?

Её глаза округляются от моей наглости. Изучает меня внимательно, молчит несколько секунд, будто взвешивает. Но что-то в моём тоне даёт понять, что дело серьёзное.

— Ладно, иди в бухгалтерию, я сейчас им позвоню. И ради бога, переоденься и причешись. А лучше поезжай домой, долечиваться.

Я киваю, ухожу.

Забираю деньги. Притворяюсь, что мне стало хуже, прощаюсь с начальницей и спускаюсь на первый этаж.

Очень страшно выходить на улицу через главный вход, но ещё страшнее — идти к служебному. Если он отследил меня, то там шансов не будет никаких. А тут... тут хотя бы есть люди. Случайные прохожие, охрана, камеры. Мельчайший шанс, что кто-то вмешается. Что это не закончится втихую, за углом.

Осторожно выглядываю наружу, ищу глазами чёрный Рейндж Ровер. Вроде бы чисто. Но он вполне мог припарковаться в стороне, остаться в укрытии. Сидеть, ждать. Он умеет ждать. И умеет быть невидимым, если захочет.

Выскакиваю из здания, словно отрываюсь от безопасного берега. Сердце колотится, как сумасшедшее. Иду по улице, стараясь держаться ближе к людям. Делаю вид, что всё в порядке — просто спешу по делам. Хотя на самом деле внутри дрожит каждая клетка. Нервно сглатываю, оглядываясь по сторонам, едва не сбиваясь с шага.

Надо ехать в центр. Туда, где хоть кто-то услышит.

Если в районном отделении меня держали без протокола, если никто ничего не оформлял, если он всё-таки нашёл меня даже там — значит, надо обращаться выше. Туда, где ещё остались люди, не продавшиеся целиком.

Надо как-то добраться до главного управления внутренних дел области. Где сидят не дежурные по смене, а те, кто контролирует. Кто обязан разбираться.

Если уж там не помогут, тогда, наверное, уже никто.

Глава 13. Игра окончена

Крест

Он снова в том здании.

Разрушенный дом, частный, двухэтажный. Запах копоти и гари въелся в стены, даже здесь, в сновидении, он чувствует его физически. Под ногами хрустит битое стекло. Угол зрения чуть смазан, как будто шлем запотел, и он опять там, внутри штурма.

Команда уже внутри. Кто-то прошёл вперёд, кто-то прикрывает лестницу. Он сам на первом этаже, двигается вдоль стены. Комната за комнатой, всё как по инструкции. Они готовы к зачистке, но комнаты пустые, никого нет. Кроме последней.

Они распахивают дверь и вместо террористов видят девушек.

Им не больше двадцати, совсем молодые. Грязная одежда, грязные лица. В глазах такая усталость, что не верится, что это лица девчонок, а не стариков.

Одна в рваной майке, кожа на руках обожжена, местами вздулась. Другая перемотана бинтами, грязными и засохшими, как будто их не меняли целую вечность. Третья забилась в угол, сидит у стены, обняла колени и уткнулась в них лбом. Ни одна не поднимает головы. Всего их человек семь. Семь чьих-то дочек, семь чьих-то сестёр.

Теперь от них остались просто тени, изломанные, притихшие. Живой товар, или то, что осталось, когда перестают считать за людей.

Растерянность. Полная. Это не те, кого его отряд должен был ликвидировать.

Он вспоминает, как хотел сказать что-то в рацию, предупредить, что внутри не боевики. Но почему-то снизу пошло пламя. Кто-то закричал. Или это он сам.

Всё снова затягивает дымом. Он стоит, не двигаясь. Девушки кричат, в их глазах животный страх.

Внезапно та, которая сидела у стены, поднимает на него глаза. Огромные, светло-зелёные. Всё лицо в царапинах, под глазом синяк.

Смотрит молча. Без мольбы о пощаде. Без эмоций. В глазах холодная обречённость.

В следующий момент раздаётся громкий взрыв, и всё затухает.

Крест проснулся в темноте, сердце билось так, как будто там не было ледяной пустоты.

Сон повторялся каждый раз одинаково. Он стоит, они смотрят, и ничего не меняется.

Он посмотрел на часы. Пять утра. Он сидел в машине на парковке, чуть дальше офисного здания.

После её побега из ОВД он проверил все вокзалы, все вероятные места для ночлега. Девчонки нигде не было, видимо, затаилась где-то в городе на ночь.

Долго бегать без всего она не сможет. Должна обратиться либо к кому-то из знакомых, либо поедет домой, или в офис.

У входа в квартиру уже стоял передатчик. На её знакомых он отправил запрос, чтобы пробили адреса.

По всем его расчётам она должна была пройти через офис, и именно так она и сделала.

Он не стал сразу хватать её, тем более днём. Программу ликвидации теперь всё равно нужно будет полностью перестраивать.

Лера.

Первым делом иду в торговый центр. Чем больше людей меня окружает, тем лучше.

В первом попавшемся магазине покупаю себе пару футболок, толстовку, рюкзак и кое-что по мелочи. В магазине поддержанной техники беру самый дешёвый телефон, зарядку и одноразовую сим-карту. Затем сажусь в кафе и завтракаю.

После оладий и капучино жизнь кажется уже не такой беспросветной. Надо позвонить маме, но что ей сказать? Она живёт в маленьком городке, для неё всё происходящее покажется чем-то совсем невероятным. Помочь она ничем не сможет. Тревожить понапрасну нет смысла.

Звоню просто поболтать, говорю, что люблю её. Выступают слёзы, но не показываю вида.

Итак, план простой: надо купить билет на автобус, поеду в областную столицу. Прямо сегодня, потому что ночевать всё равно нигде. Даже гостиницу не смогу снять без документов.

Мелькает мысль рискнуть, заехать на квартиру за паспортом, но тут же откидываю её от себя. Нет, это опасно.

Передохнув немного, смотрю ближайший рейс. Через три часа — отлично. До станции доберусь на такси, благо они всегда стоят на стоянке у входа в торговый центр.

Брожу по торговому центру, просто так, без цели. Тут хотя бы я чувствую себя в безопасности, в отличие от улицы.

Через пару часов спускаюсь к выходу. Сначала издалека осматриваю улицу и припаркованные машины. Слава богу, чёрного внедорожника среди них нет. И как раз стоит одно свободное такси.

Выхожу, быстро сажусь внутрь.

— На автобусную станцию, центральный вокзал, пожалуйста.

Таксист кивает, заводит машину, и мы отъезжаем.

До вокзала ехать примерно минут двадцать, поэтому просто откидываюсь назад и закрываю глаза. Обдумываю дальнейший план действий. В ГУВД области я обойду все кабинеты, буду стучаться во все двери, пока меня не выслушают. Пригрожу, что поеду в столицу, если что. Они обязаны меня выслушать.

Голос таксиста вырывает меня из раздумий:

— Приехали.

Открываю глаза и не понимаю, где мы. Какой-то пустырь. Это не автовокзал.

Внезапно дверь такси открывается, меня стальной хваткой вырывают наружу. Внутри всё леденеет. Поднимаю голову и утыкаюсь в стальной взгляд.

Вот теперь точно всё.

Глава 14. Надлом.

Крест.

Просчитать все её действия было несложно. Она двигалась ровно по тому маршруту, который он ожидал. Страх делает людей предсказуемыми.

Сначала в офис за деньгами. Взять в долг, попросить аванс, может, забрать заначку, если оставляла. То, что доступно быстро и без звонков.

Потом в ближайший торговый центр. Укрытие среди людей, нейтральная зона, где можно затеряться. Много лиц, камер, охрана на входе — для неё это символ безопасности. Иллюзия, но она в неё верит. Психологическая передышка.

Потом наверняка решит уехать. Так как она без паспорта, поезд отпадал — значит, автовокзал. Возможно, поедет к матери, если рассчитывает, что та не станет задавать вопросов. А может, в областной центр, если всё ещё надеется найти помощь в «настоящей» полиции, той, что выше районного уровня.

Он не знал, какой именно маршрут она выберет. Но знал, где именно можно будет её поймать. Поэтому все было подготовлено заранее.

Такси стояло прямо перед выходом с открытия торгового центра. Водителя подогнал «свой» опер. Ему дали описание с фото и чёткие указания: отказывать всем, кроме неё. Отвезти на пустырь и передать дальше.

Больше его ничего не касалось, никакой лишней информации. Как и у опера — чёткое исполнение приказов без лишних вопросов. Они даже не догадывались, что делают и что будет с девчонкой.

Когда он вытащил её из машины, таксист тут же дал по газам и скрылся из виду.

Нужно всё закончить прямо сейчас.

Все равно изначальную сцену нужно было перестраивать, она засветилась слишком во многих местах. Проще всего было бы активировать сценарий «пропала без вести». Главное, надёжно спрятать тело.

Он достал шприц.

В её позе появилась молчаливая обреченность. Она не пыталась ни вырваться, ни молить о пощаде. Огромные зеленые глаза молча смотрели на него.

С тем же взглядом, который не давал ему спать все эти девять лет.

Лера.

Когда он вытащил шприц, внутри всё ухнуло и застыло.

С другой стороны, эти четыре дня так измотали меня, что где-то на краю сознания проскользнула мысль: пусть уже всё закончится. Просто поскорее.

Жалко только маму. Я у неё единственный ребенок.

Он почему-то медлит. Опять эта тень в серых глазах. Не жалость, точно нет. Что-то у него творится в голове, но мне всё равно.

— Давайте уже быстрее, — устало говорю.

С удивлением вижу, что он злится.

На что? На меня?

Пальцы всё ещё сжимают шприц, но рука не двигается. Мгновение тянется, как жвачка.

Он убирает шприц.

Снова чувствую стальную хватку на плече. Он ведёт меня к машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.